
УДК 37:616–036.21:578.834.1(571+470)
doi: 10.31249/espr/2021.02.07

Н.А. Коровникова*

**ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО
В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19**

Аннотация. В работе рассматривается понятие «образовательное пространство» и его основные характеристики. Проанализированы негативные и позитивные тенденции развития образовательного пространства на международном уровне в контексте борьбы с распространением коронавирусной инфекции. Особое внимание уделяется проблемам и перспективам функционирования российского образовательного пространства в пандемический и постпандемический периоды.

Ключевые слова: образование; образовательное пространство; пандемия COVID-19; социально-экономические последствия; Россия.

Для цитирования: Коровникова Н.А. Образовательное пространство в условиях пандемии COVID-19 // Экономические и социальные проблемы России. – 2021. – № 2. – С. 116–131.

N.A. Korovnikova

**Features of the educational space in the context
of the COVID-19 pandemic**

Abstract. The paper shows the main characteristics of the concept of «educational space». Analyzes the negative and positive trends of its development at the international level in the context of preventing the spread of coronavirus infection. Considers problems and prospects of the Russia educational space functioning in the pandemic and post-pandemic periods.

Keywords: education; educational space; COVID-19 pandemic; socio-economic effects; Russia.

* **Коровникова Наталья Александровна**, канд. полит. наук, старший научный сотрудник Отдела экономики Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН).

Korovnikova Natalia, PhD (Polit. Sci.), senior researcher of the Department of economics, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

For citation: Korovnikova N.A. Features of the educational space in the context of the COVID-19 pandemic // Economic and social problems of Russia. – 2021. – N 2. – P. 116–131.

Введение

Глобальное распространение пандемии коронавирусной инфекции оказало существенное влияние на состояние и функционирование мирового образовательного пространства, которое охватывает учебно-педагогические, культурно-просветительские, воспитательные процессы и системы на всех уровнях универсума (международном, страновом, региональном, локальном).

Субъекты образовательного пространства непрерывно генерируют и воспроизводят эмоционально-когнитивные ориентиры и поведенческие модели. Пандемия COVID-19, оказавшая на них деструктивное воздействие, затронула тем самым не только экономические, социальные, политические структуры мирового устройства, но и элементы общественного сознания, которые «в процессе воспитания и обретения жизненного опыта в конкретной культурной среде» формируют «способ видения мира» [Сидоров, 2015, с. 85]. В связи с этим пандемия может иметь такие серьезные последствия, как существенная деградация интеллектуального капитала, кризис образовательного пространства в планетарном масштабе и нарушение права человека на получение образования как «всеобщего мирового блага», которое является основой устойчивого развития «справедливого, равноправного, инклюзивного и мирного общества» [Образование в эпоху COVID-19 ..., 2020].

Ограничительные и профилактические меры по борьбе с негативными эффектами COVID-19, предпринимаемые всеми международными акторами, привели к деформации мирового образовательного пространства и послужили причиной глобального образовательного эксперимента, затронувшего, по данным ЮНЕСКО, учебные организации более 160 стран и около 1,5 млрд учащихся во всем мире [COVID-19 и высшее образование ...]. По другим оценкам, неблагоприятные последствия COVID-19 нарушили интересы более 200 млн преподавателей [Кондаков, 2020] и 1,6–1,7 млрд учащихся в более чем 190 странах [Образование в эпоху COVID-19 ..., 2020].

Способность субъектов образовательного пространства адаптироваться и противостоять глобальному вызову COVID-19 зависит от своевременной мобилизации образовательных и кадровых ресурсов; от разработки и реализации широкого спектра образовательных инноваций [Образование в эпоху COVID-19 ..., 2020]; от результатов социального конструирования в рамках научного и общественного дискурсов, в процессе которого формируются стратегии дальнейшего развития образовательных организаций, их объединений, мировой образовательной системы в целом [Галажинский, 2020].

Образовательное пространство: к определению проблемного поля

В отечественном академическом дискурсе понятие «образовательное пространство», как область интеграции результатов деятельности всех его субъектов, получило распространение, начиная с 1920–1930-х годов в работах таких видных деятелей науки, как А.Р. Лурия, Л.С. Выготский и др. [Журавлева, 2017]. Позднее появились исследования, посвященные анализу различных аспектов образовательного пространства, например «образовательного пространства субъекта, образовательного учреждения, системы непрерывного образования» [Иванов, Иванова, 2016, с. 39]. Российские исследователи стали рассматривать образовательное пространство как амбивалентный фактор геополитической и политической стабильности / нестабильности; развития / дестабилизации общества, государства; эффективной интеграции и межгосударственного взаимодействия / изоляции и нарушения международных связей; социального развития / деструктивных тенденций на уровне личности, социальной группы, социума [Иванов, Иванова, 2016, с. 45].

В широком смысле образовательное пространство представляет собой «набор определенным образом связанных между собой условий, которые могут оказать влияние на образование человека» [Журавлева, 2017] и включает элементы познавательной деятельности, проектирование которых необходимо для обеспечения эффективности и результативности учебно-педагогических процессов [Образование в условиях пандемии ..., 2020, с. 3].

Как многоаспектный феномен образовательное пространство является результатом «конструирования», сочетания и взаимодействия различных элементов. В их число входит: условия образовательной среды; практическая деятельность образовательных организаций; целеполагание в педагогике; единство образовательной, воспитательной и просветительской функций; «разветвленность системы отношений между различными структурными компонентами, а также субъектами моделирующих преобразований» образования [Журавлева, 2017]. Образовательное пространство функционирует в определенной системе координат: «осознанное-неосознанное» и «организованное-неорганизованное», причем педагогическое пространство охватывает осознанно-организованную область, а неформальное индивидуальное или групповое образовательное пространство относится к сфере неосознанного [Пономарев, 2014, с. 67]. Оно включает в себя следующие подсистемы: а) материально-техническую (здания, оборудование, средства обучения); б) организационную (формальная структура и организация учебного заведения); в) социально-психологическую (структура социальных неформальных взаимоотношений в учебной среде); г) технологическую (совокупность воспитательных, образовательных, диагностических технологий); д) административно-управленческую (деятельность субъектов управления в рамках образовательного учреждения); е) эстетическую

(дизайн помещений учебного заведения и их эргономические свойства) [Образование в условиях пандемии ..., 2020, с. 3–4].

Качество и уровень развития образовательного пространства оценивают по следующим *критериям*: 1) насыщенность (концентрация средств и методов обучения); 2) интерактивность; 3) вариативность, гибкость, адаптивность; 4) субъектность (субъект-субъектное взаимодействие участников образовательных процессов); 5) когерентность (соответствие результатов образовательного пространства актуальным потребностям социума); 6) широта (спектр возможностей, предоставляемых обучающимся) [Образование в условиях пандемии ..., 2020, с. 4–5].

В данном ракурсе специалисты сходятся во мнении, что для стабилизации образовательного пространства в условиях пандемического кризиса целесообразно грамотно сочетать традиционные и современные дистанционные (цифровые) методы обучения. При этом следует учитывать их преимущества и недостатки согласно вышеприведенным критериям, а именно: традиционное образовательное пространство более вариативно и адаптируемо под конкретные потребности обучаемых за счет материально-технической составляющей (возможность использования реальных образовательных ресурсов, например лабораторий и т.п.); когерентно вследствие длительного процесса формирования и апробации его элементов. «Цифровое» образовательное пространство информационно насыщено за счет цифровых технологий и виртуальных ресурсов; менее вариативно (кроме информационного аспекта), но более интерактивно, что способствует эффективной реализации субъект-субъектного взаимодействия в ходе учебно-педагогических процессов [Образование в условиях пандемии ..., 2020, с. 6].

Как будет показано ниже, меры по адаптации элементов, подсистем, условий функционирования, а также по противодействию субъектов образовательного пространства воздействию пандемии COVID-19 демонстрируют его отличительные особенности (характеристики). К их числу эксперты относят [Кондаков, 2020]: «обыденность» онлайн-образования («как покупки в Интернете»); приоритет асинхронного обучения (выполнение заданий «в удобное время» для каждого учащегося); образовательное неравенство по социальным и территориальным основаниям в первую очередь с точки зрения технологической обеспеченности; формирование нового типа «сетевой личности» и т.п.

Тенденции развития мирового образовательного пространства в контексте борьбы с COVID-19

Стремительное распространение инфекции COVID-19 в глобальном масштабе, с одной стороны, оказало крайне неблагоприятное воздействие на функционирование, структуры, состояние мирового образовательного пространства и привело к возникновению ряду негативных тенденций.

С другой стороны, борьба с негативными эффектами пандемии подтолкнула всех субъектов образования к поиску, выработке и внедрению новых эффективных форматов обучения, т.е. сформировало определенные позитивные тенденции.

Негативные тенденции развития мирового образовательного пространства в условиях пандемии COVID-19 включают угрозу для социального и психологического состояния субъектов образовательного пространства; технологические трудности внедрения новых образовательных форматов; ограничения процессов интернационализации наряду с новыми угрозами образовательной безопасности; кризисные экономические последствия, которые проявились в сокращении финансирования и увеличении расходов на поддержку образования при его относительно невысокой капитализации.

Стремительный технологический, но не методологический [Кондаков, 2020] переход на дистанционное обучение с применением цифровых технологий образовательных организаций во всем мире выявил существенные недостатки удаленных образовательных форматов, которые в первую очередь проявились в эмоционально-когнитивной и социальной дезориентации и даже депривации большинства субъектов образовательного пространства.

Подобные негативные процессы объясняются целым рядом *причин*, в их числе: «цифровая неграмотность» учащихся; нехватка «живой» коммуникации [Электронное обучение ..., 2020]; «разрыв в выполнении домашнего задания» [Цифровые технологии и кибербезопасность ..., 2020]; отсутствие соответствующей квалификации и опыта дистанционной работы педагогического состава; трансформация роли преподавателя в куратора информационных потоков [Грунт, Беляева, Лисситса, 2020, с. 54]; психологическая перегруженность педагогов и учащихся от постоянного использования образовательных цифровых платформ, приложений и других инструментов онлайн-обучения [Влияние пандемии COVID-19 на сектор высшего образования ..., 2020, с. 14]; неспособность дистанционного образования полностью заменить традиционные формы, ввиду неразработанности его «теоретической основы, фундаментальности» [Грунт, Беляева, Лисситса, 2020, с. 48].

Отрицательное воздействие пандемического кризиса на психологическое состояние субъектов образовательного пространства несет в себе риски для их социального и духовно-культурного развития в дальнейшем, которые могут проявиться в следующих *негативных тенденциях*: а) дегуманизация социума, аномальные проявления эгоцентризма; б) деградация интеллектуального капитала, деформация рынка труда, рост безработицы и числа представителей «нестабильной и нестандартной занятости» [Ломоносовские чтения ..., 2019, с. 585–586]; в) ментальные эмоциональные и когнитивные расстройства, ментальная неустойчивость, панические настроения («ментальные вирусы и эпидемии», «ментальный иммуноде-

фицит» и т.п. [Сидоров, 2015, с. 89–90]); г) девальвация духовно-нравственных аксиологических ориентиров [Золотухин, 2018, с. 119]; д) деформация сознания поколения XXI в., развитие гиперактивной личности [Кулакова, 2018, с. 6–7]; е) «клиповость (сиюминутность) мышления» [Урлапова], зависимость от цифрового контента и социальная апатия субъектов образования.

Очевидно, что психологическая неготовность значительной части субъектов мирового образовательного пространства адаптироваться к новым реалиям дистант-образования непосредственно связана с материально-техническими ограничениями, которые подразумевают:

- разные технические условия для перехода на дистант, обусловленные наличием / отсутствием опыта дистанционного преподавания / обучения в «докоронавирусный» период, материальными возможностями и обеспеченностью необходимой технической инфраструктурой для обучения онлайн [Влияние пандемии COVID-19 на сектор высшего образования ..., 2020, с. 14];

- зависимость онлайн-образования от форс-мажорных обстоятельств, в числе которых проблемы с интернет-связью, неполадки с оборудованием [Грунт, Беляева, Лисситса, 2020, с. 52], перегрузка и ограничения в работе видеоплатформ, в основном Skype и Zoom [Образование в условиях пандемии ..., 2020, с. 13], отсутствие навыков самостоятельного подключения к дистанционным формам обучения [Образование в условиях пандемии ..., 2020, с. 13] и т.п.

Негативные последствия пандемического кризиса в сфере образования проявились в ограничениях, препятствующих процессам *интернационализации* образовательного пространства. По мнению российских экспертов, назрела даже необходимость ревизии некоторых положений Болонской декларации [Грунт, Беляева, Лисситса, 2020, с. 47] вследствие деструктивного воздействия COVID-19. По некоторым оценкам, процессы международной интеграции образовательного пространства возобновятся не ранее весны 2021 г. из-за сокращения кадрового состава организаций-провайдеров (на более чем 50% сотрудников), ужесточения требований к медицинским и иным страховкам для обучающихся; ограничений аренды жилья, которое в новых пандемических условиях может быть использовано для вынужденной самоизоляции и т.д. [Галажинский, 2020].

Повсеместный переход на дистанционное обучение также обострил проблему обеспечения *информационной образовательной безопасности*. Становится очевидной необходимость выработки и последовательной реализации мер по повышению уровня «цифровой грамотности» населения, обучению всех субъектов образовательного пространства адекватному восприятию и оценке виртуального контента, его критического осмысления в соответствии с общечеловеческими аксиологическими ориентирами [Образование в условиях пандемии ..., 2020, с. 9].

Беспрецедентные превентивные и ограничительные меры по борьбе с COVID-19 спровоцировали серьезные кризисные последствия в мировой экономике (замедление экономической активности, сокращение масштабов деятельности производственного сектора, рост социально-экономического неравенства, спад темпов экономического развития и т.п.), которые, по оценкам компании Bloomberg, уже к апрелю 2020 г. составляли не менее 5 трлн долл. [Хусаенов, 2020]. По оценкам международных специалистов ВТО и МВФ, спад мировой торговли в 2020 г. превысил последствия мирового финансового кризиса 2008–2009 гг., что может привести к самому тяжелому кризису мировой экономики после Великой депрессии 1930-х годов [ВТО ожидает ..., 2020]. Эксперты ВЭФ (Всемирного экономического форума), в свою очередь, предостерегают, что пандемический кризис поставил под угрозу развитие мировой экономики в течение ближайших 3–5 лет, а геополитическая стабильность может быть подорвана еще на 5–10 лет [Мищенко, 2021].

Очевидно, что крайне деструктивное влияние пандемии COVID-19 на мировую экономику не могло не сказаться на состоянии мирового образовательного пространства. Кризисные экономические явления привели к существенному росту затрат на образовательные услуги при общем сокращении доходов населения, что ограничило доступ к образованию, сократило «маршруты академической мобильности» и ухудшило условия обучения для определенных социальных групп [Галажинский, 2020].

Негативные экономические последствия пандемии в образовании усугубляются его низким уровнем капитализации (по некоторым оценкам, менее 2%) [Цифровые технологии и кибербезопасность ..., 2020]), а также заметным снижением инвестиционной поддержки многих видов международной образовательной деятельности [Галажинский, 2020]. В этой связи возрастает риск нехватки финансовых средств для выработки и внедрения новейших учебных технологий и методик, необходимых для эффективного функционирования образовательного пространства.

Позитивные тенденции. Преодоление и профилактика проявления негативных тенденций в международном образовательном пространстве ставит перед его субъектами целый ряд задач, в частности: определение новых направлений интернационализации; выстраивание эффективных образовательных бизнес-моделей; внедрение методик «гибридного обучения»; поиск новых подходов в общественных, гуманитарных и технических науках и т.п. [Галажинский, 2020]. Своевременное решение вышеперечисленных задач укрепит *позитивные процессы (тенденции)* в мировом образовательном пространстве в пандемический и постпандемический периоды, в их числе гибкость, цифровизация, интернационализация, усиление финансовой и законодательной поддержки, содействие развитию образования со стороны международных организаций.

Гибкость (адаптивность) мирового образовательного пространства в условиях пандемии предполагает: а) разработку и внедрение более эко-

номичных, но достаточно качественных моделей воспитательной и педагогической деятельности; б) реализацию концепции «обучение где угодно, в любое время» (англ. learning anywhere, anytime) [Цифровые технологии и кибербезопасность ..., 2020]; в) поиск более устойчивых способов внутригосударственного и международного взаимодействия на базе цифровых технологий в качестве реальной альтернативы живому общению и офлайн-обучению [Галажинский, 2020]; г) минимизацию пространственно-временных ограничений учебно-педагогической работы; д) обеспечение субъектам образования соответствующей психологической, педагогической и технической поддержки [Грунт, Беляева, Лисситса, 2020, с. 49].

Интенсификация *цифровизации* образования в международном масштабе, в свою очередь, включает следующие процессы: а) повсеместное внедрение цифровых образовательных платформ (например, подробный список опубликован на сайте ЮНЕСКО); б) развитие индустрии EdTech в результате стремительного роста высокотехнологичных услуг как в сфере официального, так и неформального образования; в) применение сетевых технологий, которые формируют новый тип сетевой личности, способной осваивать трехмерные образовательные пространства обычной, дополненной и виртуальной реальности по принципу «здесь и сейчас» [Кондаков, 2020]; г) создание виртуальных моделей международного образования (англ. cross-border study) и академической мобильности, распространение «домашней интернационализации» [Галажинский, 2020]; д) применение QR-кодов в учебно-методических материалах, QR-кодирование библиотечных архивов и расписания занятий [Образование в условиях пандемии ..., 2020, с. 11] и т.п.

Цифровые образовательные ресурсы и программы обеспечивают возможности реализации концепций «обучение в удобное время» и непрерывного образования; самостоятельного проектирования индивидуальных образовательных стратегий [Грунт, Беляева, Лисситса, 2020, с. 48]; укрепления сотрудничества между образовательными учреждениями, государственными органами управления образованием, образовательными платформами и международными организациями; роста и совершенствования онлайн-курсов повышения квалификации различных категорий слушателей [Влияние пандемии COVID-19 на сектор высшего ..., 2020, с. 5] и т.п.

К числу позитивных тенденций развития образовательного пространства также следует отнести: а) многоуровневую поддержку научно-исследовательской деятельности в рамках мирового образовательного пространства (на уровне крупных международных организаций; на государственном уровне; на уровне учебных учреждений) [Влияние пандемии COVID-19 на сектор высшего ..., 2020, с. 5]; б) выработку законодательных основ дистанционных форматов обучения и соответствующие поправки в национальные законодательства об образовании, обусловленные внедрением моделей онлайн-образования, дистанционного проведения вступительных экзаменов и государственной аттестации, а также необхо-

димостью организации и материально-технического обеспечения дистанционной педагогической деятельности [Влияние пандемии COVID-19 на сектор высшего ..., 2020, с. 5]; в) укрепление государственного и частного партнерства в сфере образования, формирование образовательных консорциумов для обеспечения финансовой поддержки бесперебойной деятельности образовательных учреждений в кризисных условиях глобальной борьбы с COVID-19, спровоцировавшей уменьшение количества обучающихся (в том числе иностранных), падение спроса населения и неакадемических организаций на платные образовательные услуги и исследовательские работы [Влияние пандемии COVID-19 на сектор высшего ..., 2020, с. 5, 12]; г) разработку стратегий и рекомендаций международных организаций (ООН, ЮНЕСКО, ОЭСР и др.) для скорейшего восстановления, стабильного функционирования и дальнейшего эффективного развития мирового образовательного пространства в пандемический и постпандемический периоды.

В частности, в рамках ООН были сформулированы следующие стратегические рекомендации: планирование деятельности учебных учреждений по принципу «безопасность здоровья каждого»; скоординированное обеспечение и защита источников финансирования сферы образования; обеспечение жизнеспособности и устойчивого развития образования по принципам инклюзивности, равенства, справедливости, управления рисками, укрепления механизмов консультаций и коммуникаций; предотвращение «утраты знаний» и расширение возможностей трудоустройства, особенно в маргинализированной среде; снижение и последующее устранение барьеров электронного доступа к образовательным ресурсам для всех субъектов образования [Образование в эпоху COVID-19 ..., 2020].

С целью преодоления влияния и последствий карантинных мер в образовательном пространстве специалистами ЮНЕСКО также были разработаны «Рекомендации по активному обучению дома в период приостановки образовательного процесса в очной форме: развитие у учащихся навыков саморегулирования во время вспышки COVID-19», которые включали: развитие навыков «саморегулируемого обучения» и основ «цифрового гражданства»; планирование сбалансированных режимов учебной и игровой деятельности; выбор доступных и соответствующих учебно-воспитательным целям образовательных в первую очередь онлайн-ресурсов; «обучение в сотрудничестве», подразумевающее групповые занятия и игры в дистанционном режиме; деятельностный подход к обучению (самопроверка, самокорректировка, построение индивидуальных когнитивных стратегий); критическое осмысление изученного материала [Рекомендации ..., 2020, с. 12–56].

Эксперты ОЭСР, в свою очередь, смоделировали три сценария развития образовательного пространства после преодоления пандемического кризиса: 1) восстановление докризисного состояния; 2) повсеместное использование сервисов онлайн-обучения, которые предоставляются компа-

ниями из ограниченного круга ведущих мировых держав, в первую очередь США и Китая; 3) развитие государственно-частного партнерства и укрепление международной кооперации в области образования. Очевидно, что последний сценарий представляется наиболее эффективным и востребованным для постпандемического восстановления мирового образовательного пространства [Цифровые технологии и кибербезопасность ..., 2020].

Российский опыт трансформации образовательного пространства в условиях пандемии: проблемы и перспективы

Уже в марте 2020 г., когда появилась информация о первых случаях заражения российских граждан COVID-19, в рамках российского образовательного пространства были предприняты чрезвычайные меры, направленные на ограничение распространения инфекции. В их число входили: начало работы оперативного штаба и «горячей линии» по борьбе с COVID-19; разработка рекомендаций органами государственной власти для деятельности образовательных учреждений; приостановка проверок в учебных организациях; выстраивание горизонтальной кооперации субъектов образования [Лешуков, Терентьев, 2020]; закрытие университетских кампусов; перевод учебно-педагогической деятельности (по некоторым оценкам, до 90% учебно-воспитательных мероприятий к маю 2020 г.) в дистанционный формат [Грунт, Беляева, Лисситса, 2020, с. 45] и т.п.

Несмотря на оперативную реализацию мероприятий, адаптирующих российское образовательное пространство к реалиям COVID-19, все его субъекты столкнулись с целым рядом новых проблем:

- ограниченный доступ к информационным и цифровым образовательным ресурсам, обусловленный качеством, инфраструктурой, стоимостью и трафиком Интернет-сети [Человеческий капитал ..., 2020, с. 57–59]. По оценкам специалистов НИУ ВШЭ, около 40% российских вузов столкнулись с проблемой низкоскоростного Интернета [Лешуков, Терентьев, 2020];

- неравенство в практиках цифрового обучения и навыках самоорганизации, социальная неоднородность учащихся. Примерно 10% из них не владели техническими средствами дистанционного обучения, причем в низкодоходных социальных группах эта цифра достигла 30% [Лешуков, Терентьев, 2020];

- снижение эффективности образовательных услуг, предоставляемых в дистанте, которую к концу мая 2020 г. отметили уже 66% учащихся, а также падение качества информирования, которое беспокоит более 40% обучающихся [Лешуков, Терентьев, 2020]; несоответствие результатов дистанционного обучения образовательным стандартам; недовольство стоимостью обучения в новом формате со стороны слушателей [Грунт, Беляева, Лисситса, 2020, с. 50];

– существенное увеличение преподавательской, административно-организационной, а также учебной нагрузки, затронувшее интересы более 40% учащихся [Лешуков, Терентьев, 2020]; приостановка научно-исследовательской деятельности всеми субъектами российского образования;

– отсутствие обратной связи, демотивация к обучению в связи с нехваткой офлайн-коммуникации [Грунт, Беляева, Лисситса, 2020, с. 50], а также в связи с ограничениями в процессе видео-коммуникации (проблемы идентификации, ограниченное число участников, нестабильное качество связи, внешние бытовые факторы и т.д.) [Человеческий капитал ..., 2020, с. 57–59];

– психологические сложности при переходе на дистанционное обучение, обусловленные размытием границ рабочего и личного времени и пространства; изоляцией и информационным вакуумом; распространением практик академического мошенничества и проявлением «нечестного поведения» при сдаче экзаменов, которые, по оценкам российских экспертов, ожидают 63% студентов [Лешуков, Терентьев, 2020].

Преодоление вышеперечисленных проблем требует от российских образовательных организаций слаженных действий по обеспечению доступа к цифровым ресурсам, в том числе образовательным платформам, материалам электронных библиотек, а также по налаживанию инфраструктуры для проведения онлайн-курсов (предоставление записи видеоматериалов, программ их обработки и т.д.) [Человеческий капитал ..., 2020, с. 58].

Перспективы. По мнению отечественных специалистов, в условиях пандемического кризиса развитие российского образовательного пространства должно пройти три этапа: 1) преобразование традиционной «классно-урочной» системы образования в дистанционный формат (пройден в марте – мае 2020 г.); 2) расширение диапазона применения современных цифровых образовательных инструментов и технологий, персонализация на основе внедрения искусственного интеллекта, включение достижений отечественной психолого-педагогической науки в развитие индустрии EdTech – 2020/2021 гг.; 3) повсеместное внедрение коботов¹, обеспечивающих конвергентное воспитание и образование наряду с максимальной персонализацией образовательных процессов – 2022/2024 гг. и далее [Кондаков, 2020].

Для успешной и своевременной реализации целей каждого из этих этапов потребуется разрешить *противоречия* между: а) величиной государственных затрат на образовательный процесс и общественно-необходимым уровнем его качества; б) объемами аудиторной и общей преподавательской нагрузки, изменившихся в связи с разработкой и трансляцией виртуальных учебных курсов; в) увеличением свободного времени у пре-

¹ Коллаборативный робот – автоматическое устройство, которое может работать совместно с человеком для создания или производства различных продуктов.

подавателей и тенденцией к сокращению численности профессорско-преподавательского состава; г) свободой выбора образовательного контента и отсутствием навыков к самостоятельному поиску со стороны учащихся [Грунт, Беляева, Лисситса, 2020, с. 55].

Несмотря на проблемы и противоречия пандемического периода, российское образовательное пространство обладает достаточным потенциалом для восстановления и стабилизации. Уже в настоящее время в его развитии наблюдаются *позитивные тенденции*, в том числе: рост посещаемости занятий в дистанционном формате; повышение уровня самоорганизации и равнодушия к кризисной ситуации в первую очередь в сфере высшего образования; апробация новых методов обучения и развитие цифровой дидактики; совершенствование работы сервисов образовательных организаций, электронной поддержки обучения; повышение компьютерной грамотности и развитие цифровых компетенций населения; выстраивание субъект-субъектного персонализированного обучения; интеграция субъектов российского образования перед лицом общей внешней угрозы [Лешуков, Терентьев, 2020].

Очевидно, что *перспективы* российского образовательного пространства в пандемический и постпандемический периоды во многом связаны с реализацией модели «Цифрового университета», разработка которой отвечает требованиям программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Для этого российские вузы объединяют свои усилия по разработке новейших образовательных продуктов и цифровых платформ. К основным элементам модели «Цифрового университета» российские специалисты относят: цифровую библиотеку; цифровой кампус; электронный студенческий билет; электронную ведомость; электронный деканат; внедрение образовательных дисциплин с использованием технологий дополненной реальности и виртуальных симуляторов; систем дистанционного обучения (learning management systems – LMS-системы); онлайн-курсы и их размещение на ведущих мировых MOOK-платформах¹; «цифровой диплом», «цифровой след» и индивидуальные стратегии учащихся; информационную систему управления инфраструктурой учебного заведения (питание, медицинская помощь и т.п.) [Кузина, 2020, с. 91–93].

Борьба с негативным воздействием COVID-19 продолжается во всех сферах жизни российского социума, в том числе и в образовательном пространстве. Однако, как отметил в беседе с президентом РФ В.В. Путиным министр просвещения РФ С.С. Кравцов, уже к началу 2021 г. были достигнуты определенные успехи по профилактике и предотвращению последствий пандемии в области образования. В частности, преодолены бюрократические барьеры; разработаны отечественная система видеоконференц-связи, не уступающая по своим характеристикам зарубежным аналогам, а также отечественная социальная сеть для коммуни-

¹ Платформы для дистанционного обучения.

кации всех субъектов образования (преподавателей, учащихся и их окружения); создана цифровая образовательная среда, которая дополняет и усиливает классическое образование и содержит проверенный экспертами контент, соответствующий федеральным государственным стандартам [Латухина, 2021].

Заключение

Современный пандемический кризис акцентировал необходимость международного взаимодействия и сотрудничества на благо всего человечества. Как оказалось, даже ведущие мировые державы не обладают достаточными интеллектуальными и материальными ресурсами для самостоятельного противостояния угрозам такого масштаба. Не случайно большинство субъектов мирового образовательного пространства поддержали призыв Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) по объединению усилий для разработки эффективной вакцины против COVID-19. В частности, были созданы электронные платформы с открытыми образовательными и научными ресурсами по данной проблематике. Другими словами, несмотря на закрытие международных границ в пандемический период, образовательное пространство становится все более открытым для всех его субъектов [Галажинский, 2020].

Профилактика и преодоление негативных психологических, социальных, экономических последствий коронавирусной инфекции COVID-19 на международном, государственном, региональном уровнях образовательного пространства предполагают своевременную реализацию *комплексных мер*, включающих: переход к концепции «непрерывного обучения»; «политику преодоления», защиты здоровья и безопасности всех субъектов образования; «непрерывное управление», планирование и прогнозирование деятельности образовательных организаций [Международное исследование ..., 2020]; внедрение новейших цифровых технологий наряду с применением и совершенствованием классических образовательных форматов; поддержку инвестиций, постоянное и своевременное финансирование образования; объективную оценку образовательных результатов; разработку долгосрочных образовательных стратегий устойчивого развития [Эксперт оценил ..., 2020].

С учетом неопределенности развития коронавирусной инфекции COVID-19, представляется целесообразным дальнейшее *укрепление международной кооперации* в целях реализации комплексных мер по поддержке образовательного пространства на основе взаимодействия в области научных разработок и достижений, а также обмена опытом применения образовательных режимов и технологий, наиболее эффективных в форс-мажорных условиях. Сбалансированные совместные действия всех субъектов образования позволят не только преодолеть негативные последствия кризиса COVID-19 в образовательном пространстве, предотвратить соци-

альную и интеллектуальную деградацию населения планеты в XXI в., но и улучшить качество и доступность образования на глобальном и национальном уровнях.

Список литературы

1. Влияние пандемии COVID-19 на сектор высшего образования и магистратуру: международный, национальный и институциональный ответ / Аржанова И.В., Барышникова М.Ю., Заварыкина Л.В., Нагорнов В.А., Перфильева О.В.: аналитический доклад. – 2020. – URL: <https://ntf.ru/sites/default/files/Vliyanie%20pandemii%20COVID-19%20na%20sektor%20vysshego%20obrazovaniya%20i%20magistraturu.pdf> (дата обращения: 19.01.2021).
2. ВТО ожидает еще более существенных для мировой экономики последствий пандемии // Коммерсант. – 2020. – 24.07. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4432248> (дата обращения: 10.12.2020).
3. Галажинский Э.В. Пандемия и мировое высшее образование. Интернационализация «на дому» / ТГУ. – 2020. – 18.05. – URL: http://www.tsu.ru/university/rector_page/internatsionalizatsiya-na-domu/ (дата обращения: 20.12.2020).
4. Грунт Е.В., Беляева Е.А., Лисситса С. Дистанционное образование в условиях пандемии: новые вызовы российскому высшему образованию // Перспективы науки и образования. – 2020. – № 5 (47). – С. 45–58. – URL: https://pnojurnal.files.wordpress.com/2020/10/pdf_200503.pdf (дата обращения: 19.01.2021).
5. Журавлева Н.Н. Образовательное пространство для инновационного развития // Воспитание и дополнительное образование в Новосибирской области. – 2017. – 20.09. – URL: <http://sibvido.ru/node/37> (дата обращения: 19.01.2021).
6. Золотухин М.А. Концепция безопасности образовательного пространства // Техно-технологические проблемы сервиса. – 2018. – № 1 (43). – С. 117–120.
7. Зотова Е. EdTech 2020: как меняется образование при помощи онлайн-сервисов и VR // Хайтек. – 2020. – 11.01. – URL: <https://hightech.fm/2020/01/11/edtech-russia> (дата обращения: 03.03.2021).
8. Иванов О.Б., Иванова С.В. Формирование современного образовательного пространства // Российское образование. Действительность и перспективы. – 2016. – № 1. – С. 39–49.
9. Кондаков А. Уроки пандемии: новая реальность // Вести образования. – 2020. – 26.06. – URL: https://vogazeta.ru/articles/2020/6/26/Iniciativa_FGOS_40/13654-uroki_pandemii_novaya_realnost (дата обращения: 19.01.2021).
10. Котова Н.С. Образовательная безопасность как базовый компонент системы национальной безопасности России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2015. – № 3. – С. 209–213.
11. Кузина Г.П. Концепция цифровой трансформации классического университета в «цифровой университет» // E-management. – 2020. – № 2. – С. 89–96.
12. Кулакова А.Б. Поколение Z: теоретический аспект // Вопросы территориального развития. – 2018. – № 2 (42). – С. 1–10. – URL: <http://vtr.vscs.ac.ru/article/2604> (дата обращения: 19.01.2021).

13. Латухина К. Из дома – за парту. Владимир Путин обсудил готовность школ к работе онлайн // Российская газета. – 2021. – 12.01, № 3 (8354). – URL: <https://rg.ru/2021/01/12/vladimir-putin-obsudil-gotovnost-shkol-k-rabote-onlajn.html> (дата обращения: 17.01.2021).
14. Лешуков О.В., Терентьев Е.А. Как проявила себя система высшего образования в условиях кризиса – взгляд студентов и преподавателей // Институт образования НИУ ВШЭ «Актуальные исследования и разработки в области образования». Уроки работы и жизни в условиях пандемии COVID-19 для детей, родителей, педагогов, институтов школьного и дополнительного образования. – 2020. – 23.06. – URL: <https://ioe.hse.ru/seminar1920> (дата обращения: 10.01.2021).
15. Ломоносовские чтения – 2019. Секция экономических наук. Экономические отношения в условиях цифровой трансформации: сборник тезисов выступлений. – Москва: Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 2019. – 1046 с. – URL: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=56275&p=attachment> (дата обращения: 18.01.2021).
16. Мамина Р.И., Толстикова И.И. Поколение Z или поколение фиджитал в условиях деловой среды // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. – 2019. – Вып. 3. – С. 149–159. – URL: https://www.researchgate.net/publication/339795054_Pokolenie_Z_ili_pokolenie_fidzital_v_usloviah_delovoj_sredy (дата обращения: 21.10.2020).
17. Международное исследование выявило влияние пандемии на образование // РИА Новости. – 2020. – 08.05. – URL: <https://sn.ria.ru/20200508/1571136232.html?in=t> (дата обращения: 10.12.2020).
18. Мищенко О. ВЭФ: Пандемия может на 5 лет стать угрозой мировой экономике // Deutsche Welle. – 2021. – 19.01. – URL: <https://www.dw.com/ru/pandemija-mozhet-5-let-ugrozhat-mirovoj-jekonomike/a-56273291> (дата обращения: 01.03.2021).
19. Образование в условиях пандемии: тенденции и ориентиры развития: материалы всероссийской заочной научно-практической конференции (г. Уфа, 28 октября 2020 г.) / отв. ред. А.В. Янгиров. – Уфа: Изд-во Азтерна, 2020. – 103 с. – URL: <https://iorb.ru/wp-content/uploads/2020/11/sbornik-oktyabr-2020.pdf> (дата обращения: 15.01.2021).
20. Образование в эпоху COVID-19 и в последующий период // Концептуальная записка ООН. – 2020. – URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/policy_brief_education_during_covid-19_and_beyond_russian.pdf (дата обращения: 12.01.2021).
21. Пономарев Р.Е. Образовательное пространство. – Москва: МАКС Пресс, 2014. – 100 с.
22. Рекомендации по активному обучению дома в период приостановки образовательного процесса в очной форме: развитие у учащихся навыков саморегулирования во время вспышки COVID-19 // ИИТО ЮНЕСКО. Институт умного обучения Пекинского педагогического университета (SLIBNU). – 2020. – URL: <https://iite.unesco.org/ru/publications/rekomendatsii-po-aktivnomu-obucheniyu-doma/> (дата обращения: 10.01.2021).
23. Сидоров П.И. Синдром приобретенного ментального иммунодефицита // Медицинский академический журнал. – 2015. – Т. 15, № 4. – С. 82–95.
24. Урлапова В.П. Размышления о поколении Z // Образовательная система «Русская Классическая Школа». – URL: <https://russianclassicalschool.ru/methods/psihologiya-obrazovaniya/item/854-v-p-urlapova-razmyshleniya-o-pokolenii-z.html> (дата обращения: 10.12.2020).

25. Хусаенов О. Экономические последствия коронавируса // Зубр капитал. – 2020. – 16.10. – URL: <https://zubrcapital.com/ru/blog/ekonomicheskie-posledstviya-koronavirusa> (дата обращения: 09.12.2020).
26. Цифровой след показал профессиональную компетентность студентов // Управление стратегических коммуникаций ТюмГУ. – 2020. – 29.07. – URL: <https://news.utmn.ru/news/nauka-segodnya/930034/> (дата обращения: 04.03.2021).
27. Цифровые технологии и кибербезопасность в контексте распространения COVID-19 // Дайджест Департамента международного и регионального сотрудничества СП РФ. – 2020. – URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Covid-19-digital.pdf> (дата обращения: 11.01.2021).
28. Человеческий капитал в условиях эпидемиологического кризиса COVID-19: университеты, корпорации, ценности (сессия 2, 16 мая 2020) / отв. ред. П.П. Дерюгин. – Санкт-Петербург: Медиапапир, 2020. – 68 с.
29. Эксперт оценил влияние пандемии коронавируса на образование // РИА Новости. – 2020. – 16.06. – URL: <https://ria.ru/20200616/1573016079.html> (дата обращения: 10.12.2020).
30. Электронное обучение: плюсы и минусы // Фоксфорд. – 2020. – 19.08. – URL: <https://externat.foxford.ru/polezno-znat/plyusy-i-minusy-ehlektronnogo-obucheniya#2> (дата обращения: 10.12.2020).
31. COVID-19 и высшее образование: отучиться от прежних навыков ради создания системы образования на будущее // ООН. Взаимодействие с академическими кругами. – URL: <https://www.un.org/en/node/120159#> (дата обращения: 20.02.2021).
32. Xin Xu. Hunt for coronavirus cure is making science more open // University World News. The global window on higher education. – 2020. – 21.03. – URL: <https://www.university-worldnews.com/post.php?story=20200318080659671> (дата обращения: 01.02.2020).